

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 2 (460). Философские науки. Вып. 63. С. 41—49. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(2(460):41-49. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 111.6

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10206

НОРМАТИВНОСТЬ В ОСНОВАНИЯХ СВОБОДЫ И ТВОРЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА В АНАЛИЗЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ РЕФЛЕКСИЙ

Вера Анатольевна Жилина^{1✉}, Константин Михайлович Креписов²

^{1,2} Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия

¹ vera-zhilina@yandex.ru[✉], ORCID: 0000-0003-2954-109X

² krepisov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6991-2935

Аннотация. Статья посвящена проблеме исследования социального бытия, в частности проблеме нормативности как его атрибутивного свойства. В сравнительном анализе основных положений концепций Н. А. Бердяева и В. С. Соловьева в статье раскрыта роль нормативности в социальных отношениях, выявлено ее принципиальное отличие от нормы. Гипотеза данного исследования заключается в предположении, что в современной социальной практике социальный субъект активен на уровне причины, что позволяет в теории констатировать некоторую новую форму детерминизма. Раскрыта суть онтологического основания нормативности. Предпринята попытка в элиминации религиозной окраски выбранных доктрин выявить нормативность в «чистом» виде. Показано, что формирование социальной закономерности принципиально отлично от природной необходимости, но при этом и не может быть объяснено исключительно волюнтивным компонентом деятельности человека. В этом контексте предпринята попытка определения специфики целостности норм различной семантики. Обосновано, что в основаниях свободы, творчества человека лежит нормативность как атрибутивное свойство социального бытия. Особое внимание уделено активной роли субъекта в системе социальных отношений. В онтологических основаниях нормативности раскрыта связь нормы со свободой и творчеством социального субъекта.

Ключевые слова: нормативность, субъект, онтология, культура, всеединство, экзистенциализм, религия

Для цитирования: Жилина В. А., Креписов К. М. Нормативность в основаниях свободы и творчества человека в анализе религиозно-философских рефлексий // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 2 (460). Философские науки. Вып. 63. С. 41—49. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10206.

Original article

NORMATIVITY IN THE FOUNDATIONS OF HUMAN FREEDOM AND CREATIVITY IN THE ANALYSIS OF RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL REFLECTIONS

Vera A. Zhilina^{1✉}, Konstantin M. Krepisov²

^{1,2} Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

¹ vera-zhilina@yandex.ru[✉], ORCID: 0000-0003-2954-109X

² krepisov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6991-2935

Abstract. The article is devoted to the problem of the study of social existence, in particular, the problem of normativity as its attributive property. In a comparative analysis of the main provisions of the concepts of N.A. Berdyaev and V.S. Solovyov, the role of normativity in social relations is revealed in the article, its fundamental difference from the norm is revealed. The hypothesis of this study is the assumption that in modern social

practice, the social subject is active at the level of cause, which allows us to state in theory some new form of determinism. The essence of the ontological basis of normativity is revealed. An attempt has been made to identify normativity in its “pure” form in the elimination of the religious coloring of the selected doctrines. It is shown that the formation of social regularity is fundamentally different from natural necessity, but at the same time it cannot be explained solely by the voluntary component of human activity. In this context, an attempt is made to determine the specifics of the integrity of norms of various semantics. It is proved that the foundations of human freedom and creativity are based on normativity as an attributive property of social existence. Special attention is paid to the active role of the subject in the system of social relations. In the ontological foundations of normativity, the connection of norm with freedom and creativity of a social subject is revealed.

Keywords: normativity, subject, ontology, culture, unity, existentialism, religion

For citation: Zhilina VA, Krepisov KM. Normativity in the foundations of human freedom and creativity in the analysis of religious and philosophical reflections. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(2(460):41-49. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10206.

Введение. В рефлексивном анализе семантического поля культуры во всем многообразии форм ее закрепления обнаруживается одно доминирующее общее свойство: так или иначе культурные феномены стремятся закрепить собой некий порядок, иногда иерархию происходящего в мире. Даже в простом сравнительном сопоставлении мифологии, религии и философии как форм объективированного мировоззрения, где аккумулируется в наиболее общем плане социальный багаж человечества от элементов простой ориентации в среде до сложных форм и механизмов взаимодействия с ней очевидна тенденция выявления некоторой закономерности бытия. Еще наглядней являет себя закономерность социальная. В первом приближении гуманитарный или социальный научный анализ, например, прежде всего, фиксирует регуляторы социальных отношений в качестве универсальных форм существования последних. Интересен тот факт, что и в исследовании этих регуляторов — права, морали и т. д. их нормативный характер начинает претендовать на статус существенных характеристик. Более того, увлечение такой тенденций способно нивелировать ценность самого бытийного содержания. Так, в современном состоянии юридической науки правовая реальность зачастую трактуется как поле действия законов, что не только сужает область действия права, но и провоцирует развитие иллюзорного представления о возможном выходе субъекта за пределы правовой нормативности в реалиях социального существования: якобы, субъект вступает в правовые отношения исключительно при нарушении «колеи» юридического закона. И это допущение уже чревато практическими последствиями. Наука рефлексировать над практикой с тем, чтобы эта рефлексия обратно встроилась в практические процессы [16]. В данном случае в отношении практики формируется негативная платформа малой эффективности законодательной

инициативы. Дело в том, что при такой трактовке права получается, что эффективность регуляции социальных процессов зависит исключительно от свода закона. Следовательно, трансформирование содержания законов, якобы, автоматически меняет поле социальности. В результате субъект уходит на второй план, собственно общественные отношения теряют целостность, и право теряет бытийность, закон становится пустым. Такие фундаментальные подвижки в системе социума, конечно, не могут пройти бесследно, особенно в его современном состоянии. Поэтому анализ действительных основ нормативности социального бытия в настоящее время обретает особую актуальность.

Целью данной статьи является доказательное исследование специфики активности социального субъекта в современных условиях, что позволяет определить гипотезу такого исследования в предположении формирования новых форм социального детерминизма, в основании которых лежит субъектное измерение причинных зависимостей.

Методы и материалы. Обращение к опыту философских рефлексий с необходимостью детерминирует выбор в качестве ведущего методологического основания исследования структурно-генетического подход. В выбранном теоретическом аспекте анализа данный подход позволяет синтезировать религиозно-философские исследования с междисциплинарными результатами науки, которая занимается областью нормативности в культуре. В единстве исторического и логического проработаны достижения отечественной религиозной философии в определении взаимозависимости нормы со свободой и творчеством социального субъекта. В исторической логике развития нормативности данный анализ опирается на диалектико-материалистические модели общественного развития, но с привлечением онтологий культуры и специфики человеческой экзистенции. В обосновании выдвинутой гипотезы задействованы

феноменологический принцип беспредпосылочного описания нормативных оснований свободы и творчества, а также применены методы эмпирического и теоретического уровней познания. В анализе религиозно-философских рефлексий отечественной философии применены элементы экзистенциализма. Для организации теоретического материала использован метод восхождения от абстрактного к конкретному, системно-структурный подход, взятые в диалектическом аспекте.

Исследование опирается на достижения философского анализа общей природы нормативности. Современная философская мысль активно фиксирует детерминационную роль социальной нормативности в общей логике развития социума. В частности, большое внимание уделяется нормативному аспекту публичной политики (С.Ф. Спаног) [11], инновационным функциям нормы в коммуникационных потоках (М. Renzo, В. Viskum) [14], изменению нормативной природы прав человека как юридической формы его свободы (Р. Sundman) [15]. Особо интересны исследования в области взаимопроникновения нормы, культуры и самой философии, в которых, например, норма становится одним из ведущих факторов сохранности самобытности этнических культур, что особо значимо в условиях глобализации (К. Bowrey) [10]. Одновременно следует отметить, что сохраняются и традиционные тенденции соотношения нормы и свободы человека через взаимодействие морали и права. В такого рода исследованиях либо активно используются религиозно-философские подходы (А.С. Ljungström) [13], либо акцентируются конкретные философские концепции, в которых норма рассматривается в качестве неотъемлемого свойства бытия, например, в мистических основаниях свободы (S. Glendinning) [12]. Такие тенденции в философском анализе нормативности определяют необходимость обращения к достижениям отечественной религиозно-философской школы в исследовании онтологических корней нормы в процессах свободы и творчества человека

Результаты и обсуждение. Доказательному обоснованию выдвинутой гипотезы исследования способствует обращение к наследию русской религиозной философии, особенно экзистенциально-персоналистского направления. Спецификой бердяевской концепции религии, например, выступает не только стремление поместить религиозную проблематику в рамки извечной метафизической дилеммы: Добра и Зла, но и рассмотреть Бога через Бога-Человека, через Иисуса Христа. Такой выбор не случаен: в попытках приблизиться к пониманию сути человека необходимо всю

рассматриваемую проблематику пропускать через взаимодействие воли человека и той необходимости, которая царит в социуме [4, с. 274]. Например, принимая традиционное положение о снисхождении Блага от Бога на Человека, Бердяев, тем не менее, убежден, что Царство Божье — это одновременно конструкт человеческих деяний. Неслучайно условным субстанциональным основанием подхода к анализу религии он определяет четыре основных понятия: Личность, Дух, Свобода и Творчество. Из семантики данных автономных феноменов очевидно, что Бердяев категорически возражает против возможного отождествления нормы и необходимости. В логике преемственности философского знания можно констатировать, что Бердяев своей концепцией продолжает развитие основных положений просветителей: он полностью солидарен с позицией Канта — между миром вещей-в-себе и миром социальности для него существует непреодолимая пропасть, а также настаивает на категорическом различии природной и социальной необходимости. В природном мире жесткая необходимость свидетельствует о реальной причине Зла — полной доминанте состояния несвободы. Роковое состояние свободы — это пребывание и умножение несвободы. И именно в соприкосновении свободы и необходимости рождается демаркационное препятствие на пути несвободы — нормативность. Человеку присущи две ипостаси: индивидуальность и личность. Индивидуальность принадлежит миру природной необходимости и разделяет с этим миром рабство и смертность. Другими словами, на уровне естественно-природного включения в мир человек есть простой элемент, включенный в природные взаимосвязи. Но душевно-телесному человеку противостоит человек как носитель Духа. И эту ипостась следует считать началом царства свободы. Подлинная свобода возможна только в Царстве Божьем, в текущей жизни человека все преломляется через природу. И в этом положении видно принципиальное отличие от традиционно христианской трактовки. В силу экзистенциалистского уклона Бердяев признает Откровение в качестве свободно избранного пути в согласии с опытом и потребностями человека-личности. Богopodobный человек не может допустить рабства, все рабские формы, даже в почитании Бога ему чужды [1]. При элиминации религиозной окраски обнаруживается значимый тезис: в силу последнего в родовой природе человека есть нечто, что удерживает его от растворения в закономерностях (в данном случае неважно — природного или божественного происхождения) и одновременно сохраняет его упорядоченность и собственную

закономерную целостность. Это бытийное основание впоследствии опредмечивается, объективируется в культуре и принимает облик нормы. Таким основанием и выступает нормативность. Это следует из учения о первосвободе. Чистая свобода первичней Бога. Отсюда в основе мира и человека заложена свобода, и эта свобода не только к Добру, но и к Злу. Как противоположности Добро и Зло целостны в самом человеке, но при сохранении собственной автономности. Демаркационное поле между ними и составляет нормативность. Нормативность, таким образом, первичнее норм морали, права и уж тем более по отношению к нормам поведения. Так понимаемая нормативность отсюда может считаться гарантом бытийности самого человека. Ведь подлинно реальные только субъекты: свободные духи.

Принадлежность человека к двум мирам: миру природной необходимости и миру свободы актуализирует значимость деятельности в качестве моста между мирами и косвенно затрудняет его самоопределение. Универсальным выходом человека к самому себе выступает творчество, которое как экзистенциальный выбор есть всегда преодоление ситуативной привязки и одновременно есть свидетельство умения быть собой [6].

И в исследовании творчества также обнаруживаются предпосылки отнесения нормативности к атрибутивным характеристикам социального бытия. Онтологические последствия позиционирования статуса творчества в качестве механизма преодоления всякой подавленности выражаются в жестком отрицании трансцендентализма в понимании самого Бога [2, с. 8—9]. Вынесение Бога за рамки мира в строгую потусторонность неизбежно детерминирует приспособленческие поведенческие стратегии человека, которые даже в рамках ортодоксального религиозного подхода не могут быть приняты в качестве способа его экзистенции. Напротив, только осознанный имманентизм способен вывести в реальное поле социальности [2, с. 12]. Поэтому для Бердяева вся история развития религии значима исключительно тем, что в этом процессе происходит смещение религии рода религией человека. В светском снятии этого тезиса значимо то, что эти трансформации свидетельствуют о рождении человечества. И в формирующейся социальности как особого поля коммуникаций и отношений Дух провоцирует объективацию нормативности. Закрепляется нормативность через развитие Разумности, которая и позволяет рефлексивно закреплять закономерности социального общения. Дух не может ограничиваться исключительно сферой религии. Различные человеческие отношения есть

проявления духовности и есть грани свободы. Это может служить объяснением того факта, что при различном содержании нормы разных сфер — моральные, правовые, эстетические, политические и т. д. всегда имеют некоторое общее наполнение. Косвенным доказательством атрибутивности нормативности социальному бытию можно считать видимые трудности в демаркации разных норм культуры в социальной практике. Например, институт присяжных в правовой практике часто видимо являет подмену норм права нормами морали, и вместо критериев справедливо-несправедливо, дозволено-недозволенно начинают доминировать критерии хорошо-нехорошо [17].

В исследовании антропологических моментов концепции Бердяева проявляется еще одно косвенное доказательство априорного присутствия нормативности в структуре социального бытия. Речь идет о четком противопоставлении науки и философии как способов постижения мира. Демаркируя область философского познания творческой интуицией Бердяев специально указывает, что связь такой интуиции с истинно-сущим, со смыслом бытия не означает, что это сущее и создается в познании [2, с. 28]. Сущее есть само по себе, и в познании лишь раскрывается. Но оно не есть и вещь-в-себе. Это то пассивное в бытии, что раскрывается через активность познания. Именно поэтому сама философия есть искусство. А искусство — это моделирование реального с целью расширения многовариативности явленности этого реального. То есть искусство надстраивается через творчество над реальным, но обязательно с присутствием этого реального в получаемых моделях. Искусство философии уникально, так как раскрывает саму сложность человека. «Философия сознает свою духовно-революционную природу, сознает себя познавательным мятежом духа против плена необходимости и рабства, закрывающего тайну и смысл бытия. В творческом познавательном акте философии есть порыв к иному бытию, иному миру, есть дерзновение на запредельную тайну» [2, с. 36]. При этом ее носитель — человек может оказаться в двойственной ситуации: преодолев необходимость природную через раскрытие своей собственной нормативности в качестве замены этой необходимости в сохранении упорядоченного начала, он может быть непонят среди себе подобных. Другими словами, преодоление фатализма внешней необходимости возможно только через активацию сущности собственной, социальной нормативности, а последняя обязательно должна включать некий общий элемент социальной закономерности. В этом плане нормативность — особое свойство бытия, а ее объективация есть функция роста бытия.

Безусловно, проблематика нормативности напрямую всегда связана с проблемами свободы человека. Оставаясь в рамках концепций русской религиозной философии можно отметить значимость теории всеединства В. С. Соловьёва [5]. Подход мыслителя к статусу свободы меняется по мере его творческого развития. Так, в «Чтениях о богочеловечестве», «Критике отвлеченных начал», «Духовных основах жизни» Соловьев позиционирует свободу как свободу выбора в основаниях нравственности, продолжая общую традицию философско-богословского подхода в определении человека как звена способного начинать собственный причинный ряд [8]. Получается, что человек вписывается в сети мировых закономерностей, но через закономерность свою, являя последнюю в процедуре выбора. Платформой этой собственной закономерности служит противостояние Добра и Зла, и в принятом подходе Зло допустимо как этап на пути нравственного самоосуществления. В целом такая позиция традиционна для большинства школ религиозной направленности [4]. Однако в «Оправдании добра» Соловьев уже не исключает безусловную свободу, которая может появиться только в выборе Зла, так как добро трансцендентно для такого выбора по причине того, что его содержание абсолютно полно.

В данном случае такая позиция интересна общей логикой движения основной идеи: результат, а именно — воссоединение человеческого и божественного возможен исключительно через самоутверждение человеческого начала. Безусловно, всеединство предполагает и целостность закономерностей мироздания. Воссоединение божественного и человеческого — это воссоздание представления об истинной природе закономерного, которое едино в синтезе природного и социального, где последние не могут быть позиционированы как рядоположенные. Соловьев предупреждает о возможных двух путях самоутверждения: исполнение заложенного в человеке божественного образа и стремление к растворению в натуральном порядке, что для него ассоциировано с воплощением «темной» стихии. При этом и то, и другое направление выбора должно быть осознано человеком в обязательном порядке, иначе человек не может быть свободным. Отсюда следует вывод, что свобода с неизбежностью закладывается во взаимодействии внутренней нормативности (божественного начала) и внешней (темная стихия). Следует отметить, что сама свобода для Соловьёва скорей «волеизъявление», чем умозрение: то есть свобода есть активное воплощение нормативности. Для «волеизъявления»

достаточно опоры на собственное внутреннее содержание, на результат усвоения человеком образа Христа [3]. В богочеловеческом процессе нравственно осуществляется все человечество, а не отдельная личность как таковая. Условием всечеловечества есть свобода. Получается, что внутренне присущая нормативность в человеке есть реальное онтологическое основание социума. Для самого Соловьёва доказательством последнего является христианство, поскольку в нем раскрыта истинная ценность человека: личность имеет ту же внутреннюю сущность жизни, что и Бог — всеединство.

В учении Соловьёва о безусловности человеческого бытия, в его разделении положительной и отрицательной безусловности атрибутивность нормативности социальному бытию проглядывает еще более выпукло. Первая, укорененная в личности, означает не подвластность свободы никаким внешним закономерностям. Однако она всегда будет неполной. Причины такой неудовлетворенности Соловьев находит в неизбежности постоянного выхода человека за границы некоторых конечных содержаний. И в этом прослеживается безусловное влияние буддизма, теоретические положения которого обозначают связующую в целом бытие нормативность как страдание. Буддизм останавливается на этом шаге, так как в нем человек свободен от Абсолюта. Для христианства остановиться на полпути невозможно. Полнота бытия всегда будет за Богом. И это положительная безусловность. Она потенциально достижима для человека, так как «Божество принадлежит человеку и Богу, с тою разницей, что Богу принадлежит оно в вечной действительности, а человеком только достигается, только получается, в данном же состоянии есть только возможность, только стремление» [9, с. 306]. В силу проведенного выше анализа следует констатировать, что Божество — это и есть нормативность.

Более того, в «Критике отвлеченных начал» Соловьев настаивает на безусловном характере свободы человека: последний свободен и от природного, и от божественного, так как является основанием собственного бытия. Божество детерминирует стремление человека к цели, к Богу, к абсолютному Добру. Но само становление имеет свое основание в самом человеке. Однако становление неизбежно идет в канве целостности трех систем: мира тварного, мира Бога и собственно человека. Чтобы перейти из состояния возможности в действительность человек должен иметь некое общее основание во всех трех мирах. И сам Соловьев такое основание обозначает как порядок. «Порядок» онтологичен: разделение

мира реального и мира идеального идет именно по положению элементов, сам источник Зла коренится в нарушении порядка. Соответственно, в религиозном контексте онтологическая значимость нормативности может быть констатирована как абсолютная. Чтобы приблизиться к абсолютному Добру, человек должен реально испытать и Добро, и Зло, а демаркировать его будет нормативность. Доказательство ее наличия здесь несколько трансцендентно, так как социальная нормативность человека есть явленность нормативности абсолютной Бога. Конечно, религиозный подход накладывает свой отпечаток в силу особенностей сущности религиозного мировоззрения. В частности, Соловьев в конкретизации пути достижения абсолютного Добра в индивидуальном сознании делает акцент на доминанте совести, а оболочку внешних закономерностей преломляет через страсти, от которых надлежит освободиться в подлинном состоянии безусловного выбора свободы.

Тем более интересен поворот в «Оправдании добра», где Соловьев изначально настаивает на чистоте этике — ее независимости и от религии, и от метафизики. Здесь автономным концептом появляется идейно-разумная нравственность, что можно считать попыткой конкретизации нормативности в чистом виде. Применительно к нравственности Соловьёв выделяет три типа детерминизма: механический, психологический, разумно-идейный. Первые два деструктивны в понимании нравственности: механический (через сведение к внешним причинам) ее бы исключил вовсе, психологический (способен только выделить отдельные элементы) через потерю целостности опять-таки уничтожает ее. В аспекте раскрытия атрибутивного характера нормативности данное замечание представляется особо важным, так как предостерегает от двух возможных заблуждений: сведения нормативности к отражению каких-либо внешних закономерностей, правил и от поиска ее корней в субъективном волеизъявлении, что чревато волюнтаристским отрицанием социальной закономерности в целом. И то, и другое, безусловно, не способно приблизить к пониманию истинной природы нормативного начала социального бытия. В исследовании нравственности Соловьев предлагает использовать третий тип детерминизма, который обозначает как идейно-разумный. В основании этого типа детерминизма лежит соответствующая необходимость. В соответствии с общей логикой этической ориентации концепции Соловьева и с учетом религиозного характера его учения ожидаемо, что такая необходимость будет позиционирована в некоторой всеобщей идеи До-

бра. Но следует обратить внимание, что Добро в этой работе лишено какой-либо трансцендентности по типу Добра Абсолюта. Разумная идея добра является достаточным основанием человеческих поступков, ее проявление возможно через воздействие на волю человека. Другими словами, в человеческом практико-активном отношении к миру проявляется фундаментальное человеческое качество — умение упорядочить себя и встроить себя в имеющиеся порядки вовне. Единственно, что не может достичь религиозная мысль, это убрать раздвоенность, некий дуализм. В религии он онтологичен вследствие четкой демаркации естественного и сверхъестественного. В результате все, что неотъемлемо от сущности человека, все, что атрибутивно социальному бытию, будет позиционироваться данным от Бога, ведь даже Бог-сын сохраняет такую двойственность. У Соловьёва в рассматриваемом контексте это выражается в констатации доминирующей роли долга или категорического императива, что предполагает божественное происхождение самого Добра. Но вместе с тем Соловьев указывает формы проявления атрибутивных свойств человека. В частности чтобы сама идея Добра стала реальным основанием поступка, необходимо, во-первых, ее понимание субъектом и четкого раскрытия в сознании и, во-вторых, наличие у субъекта самой возможности нравственной восприимчивости. В исследовании нормативности данное замечание представляется актуальным. Чтобы нормативность проявила себя в виде конкретной нормы в культуре, она должна быть отрефлексируемой в сознании, а для этого субъект должен быть социально зрелым и готовым к процедурам самоанализа. Особо актуальной представляется выделенная роль философии в процессах явленности атрибутивных свойств человека в опредмеченных формах и феноменах культуры. Суть и назначение нравственной философии для Соловьёва в том, чтобы вооружить Разум механизмом понимания идеи Добра, что позволит раскрыть всю полноту ее содержания.

Выводы. Не случайно в современном мире с его беспокойным геополитическим статусом, в условиях нарастания интенсивности коммуникации, что, безусловно, актуализирует нормативные аспекты поведенческих стратегий субъектов, в достижении стабильности и спокойствия в социальных отношениях и сегодня акцент ставится именно на критически аналитическом сознании. От степени развития навыка философской рефлексии человека во многом зависит полнота раскрытия природы нормативности как онтологического основания целостности бытия социума, закономерностей его развития. Человек, рефлек-

сивно раскрывший для себя внутреннее свойство нормативности, присущее ему как социальному существу, способен сознательно подчинять свою волю любой норме культуры. Последние развиваются и вырастают из этого атрибутивно-го свойства, и фиксируют собой ее в опредмеченном виде. Это не только ставит преграду на пути произвола, который всегда деструктивен в отношении социума. Такое осознанное действие есть проявление свободы, так как совершается в результате свершившегося выбора: Я либо принимает нормативность в качестве универсальной оболочки своих действий, либо ее отрицает. То есть либо человек нормативно зрелый и комфортно воспроизводит культуру, либо он безразличен к требованиям нормативности, что способно нарушить целостные связи культурного поля. Выбор свободен, и он не является безусловным. «Безусловная свободная воля» является следствием невосприимчивости человека к нормативности. Перефразируя Соловьева, можно заключить, что нормативность как атрибутивное свойство социального бытия выражается на трех уровнях: как некоторая платформа пересечения социальных закономерностей и необходимых связей социума, как некоторая потенциальная основа упорядочивания экзистенции в человеческом сознании (идея нормативности) и как грань чело-

веческой воли, где она предстает в виде нормы или идеала и может быть рассмотрена в качестве логической постоянной бесконечного исторического развития социального.

Заключение. Таким образом, анализ русской религиозной мысли доказательно убеждает в атрибутивном характере нормативности в социальном бытии. В силу принятия религиозной картины мира в качестве исходного онтологического пункта в данных школах философии нормативность изначально демаркирована от потенциального сведения к внешним закономерностям или простым правилам поведения. В теоретическом анализе нормативность предстает в «чистом виде», и становится возможным проследить ее опредмеченное влияние в культуре как на уровне социальной практики, так и на уровне умоэлитного постижения субъектом. В качестве обобщенного вывода можно констатировать, что в концепциях Бердяева и Соловьева, поднимавших проблему нормы в призмах свободы и нравственности, нормативность предопределена человека в силу изначального свойства упорядочивания. В единичном субъекте раскрывается через индивидуальное сознание, а в рефлексивном раскрытии сути нормативности начинают складываться предпосылки «всеобщей» закономерной связи социума.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М. : Москва книга, 1991. 448 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества. (Опыт оправдания человека). М. : Г. А. Л Леман и С. И. Сахаров, 1916. URL: <https://www.mudriyfilosof.ru/2013/03/berdyayev-smisl-tvorchestva.html> (дата обращения: 10.11.2021).
3. Булгаков С. Н. Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева? // От марксизма к идеализму. СПб. : тип. Т-ва «Общественная польза», 1903. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/ot-marksizma-k-idealizmu/7 (дата обращения: 14.11.2021).
4. Гессен С. И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и В. Соловьева // Современные записки. Париж, 1931. № 45. С. 274.
5. Запека О. А. Идея свободы в этике В. С. Соловьева // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-svobody-v-etike-v-s-solovieva> (дата обращения: 29.11.2021).
6. Каратаев О. Г. Основные вопросы религиозной философии в работах Н. А. Бердяева // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-vo-prosy-religioznoy-filosofii-v-rabotah-n-a-berdyayeva> (дата обращения: 20.11.2021).
7. Карнаух М. П. Экзистенциальный кризис как основа самопознания // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. 2005. № 2 (10). С. 55—57.
8. Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал // Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. 452 с.
9. Соловьев В. С. Оправдание добра // Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. 448 с.
10. Bowrey K. The Outer Limits of Copyright Law — Where Law Meets Philosophy and Culture // Law and Critique. 2001. № 12. P. 75—98. <https://doi.org/10.1023/A:1011289228679>.
11. Cranor C. F. A philosophy of risk assessment and the law: a case study of the role of philosophy in public policy // Philosophical Studies. 1997. № 85. P. 135—162. <https://doi.org/10.1023/A:1004219131235>.
12. Glendinning S. Derrida and the Philosophy of Law and Justice // Law Critique. 2016. № 27. P. 187—203. <https://doi.org/10.1007/s10978-016-9183-2>.

13. Ljungström A. C. The silent voice of law: Legal philosophy as legal thinking // *Law Critique*. 1997. № 8. P. 71—95. <https://doi.org/10.1007/BF02699762>.
14. Renzo M., Viskum, B. Introduction: Law and Philosophy — Moral, Legal and Political Perspectives // *Res Publica*. 2008. № 14. Pp. 237—239. <https://doi.org/10.1007/s11158-008-9068-9>
15. Sundman P. Carl Wellman: An Approach to Rights. *Studies in the Philosophy of Law and Morals // Ethical Theory and Moral Practice*. 1999. № 2. P. 57—58. <https://doi.org/10.1023/A:1009970213019>
16. Zhilina V. A., Kuznetsova N. V., Akhmetzyanova M. P., Teplykh M. S., Zhilina E. A. Main risks of civic self-identification of the subject in modern Russian society // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Conference: SCTCGM 2018 — Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism / conference Chair(s): Bataev Dena Karim-Sultanovich — Doctor of Engineering Sciences, professor, director of the Complex Scientific Research Institute n. a. H.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences*. 2019. P. 1897—1905.
17. Zhilina V., Kuznetsova N., Zhilina E. Transformation of human capital phenomenon: making of new research paradigm // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the Ecological-Socio-Economic Systems: Models of Competition and Cooperation (ESES 2019)*. 2020. P. 74—78.

References

1. Berdyaev NA. *Self-knowledge (The experience of philosophical autobiography)*. Moscow: Book; 1991. (In Russ).
2. Berdyaev NA. *The meaning of creativity. (The experience of justifying a person)*. Moscow: G.A.L Leman i S.I. Saxarov; 1916. Available from: <https://www.mudriyfilosof.ru/2013/03/berdyaev-smisl-tvorchestva.html> (accessed 10 November 2021) (In Russ).
3. Bulgakov SN. What does the philosophy of V. Solovyov give to modern consciousness? In: *Ot marksizma k idealizmu*. St. Petersburg; 1903. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/ot-marksizma-k-idealizmu/7 (accessed 14 November 2021) (In Russ).
4. Gessen SI. The struggle of utopia and the autonomy of good in the worldview of F.M. Dostoevsky and V. Solovyov. In: *Sovremenny'e zapiski*. Parizh, 1931. (In Russ).
5. Zapeka OA. The idea of freedom in the ethics of V. S. Solovyov. In: *Slavyanskij mir v tret'em tysyacheletii*. 2018. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-svobody-v-etike-v-s-solovieva> (accessed 29 November 2021). (In Russ).
6. Karataev OG. The main issues of religious philosophy in the works of N. A. Berdyaev. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2013 Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyevoprosy-religioznoy-filosofii-v-rabotah-n-a-berdyaeva> (accessed 29 November 2021). (In Russ)
7. Karnaux MP. Existential crisis as the basis of self-knowledge. *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta im. G.I. Nosova*. 2005;2(10). (In Russ).
8. Solovyov VS. Criticism of abstract principles. Moscow: Thought; 1990. (In Russ).
9. Solovyov VS. Justification of goodness. Moscow: Thought; 1990. (In Russ).
10. Bowrey K. The Outer Limits of Copyright Law — Where Law Meets Philosophy and Culture. *Law and Critique*. 2001;12:75—98. <https://doi.org/10.1023/A:1011289228679>
11. Cranor CF. A philosophy of risk assessment and the law: a case study of the role of philosophy in public policy. *Philosophical Studies*. 1997;85:135—162. <https://doi.org/10.1023/A:1004219131235>
12. Glendinning S. Derrida and the Philosophy of Law and Justice. 2016;27:187-203. <https://doi.org/10.1007/s10978-016-9183-2>
13. Ljungström AC. The silent voice of law: Legal philosophy as legal thinking. *Law Critique*. 1997;8:71—95. <https://doi.org/10.1007/BF02699762>
14. Renzo M, Viskum, B. Introduction: Law and Philosophy — Moral, Legal and Political Perspectives. *Res Publica*. 2008;14:237-239. <https://doi.org/10.1007/s11158-008-9068-9>
15. Sundman P. Carl Wellman: An Approach to Rights. *Studies in the Philosophy of Law and Morals. Ethical Theory and Moral Practice*. 1999;2:57-58. <https://doi.org/10.1023/A:1009970213019>
16. Zhilina VA, Kuznetsova NV, Akhmetzyanova MP, Teplykh MS, Zhilina EA. Main risks of civic self-identification of the subject in modern Russian society. In: *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Conference: SCTCGM 2018 — Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*. 2019.

17. Zhilina V, Kuznetsova N, Zhilina E. Transformation of human capital phenomenon: making of new research paradigm. In: Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the Ecological-Socio-Economic Systems: Models of Competition and Cooperation (ESES 2019). 2020.

Информация об авторах

В. А. Жилина — доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии.

К. М. Креписов — аспирант кафедры философии.

Information about the authors

V. A. Zhilina — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy.

K. M. Krepisov — post-graduate student of the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 31.10.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 27.09.2021; approved after reviewing 31.10.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declares no conflicts of interests.